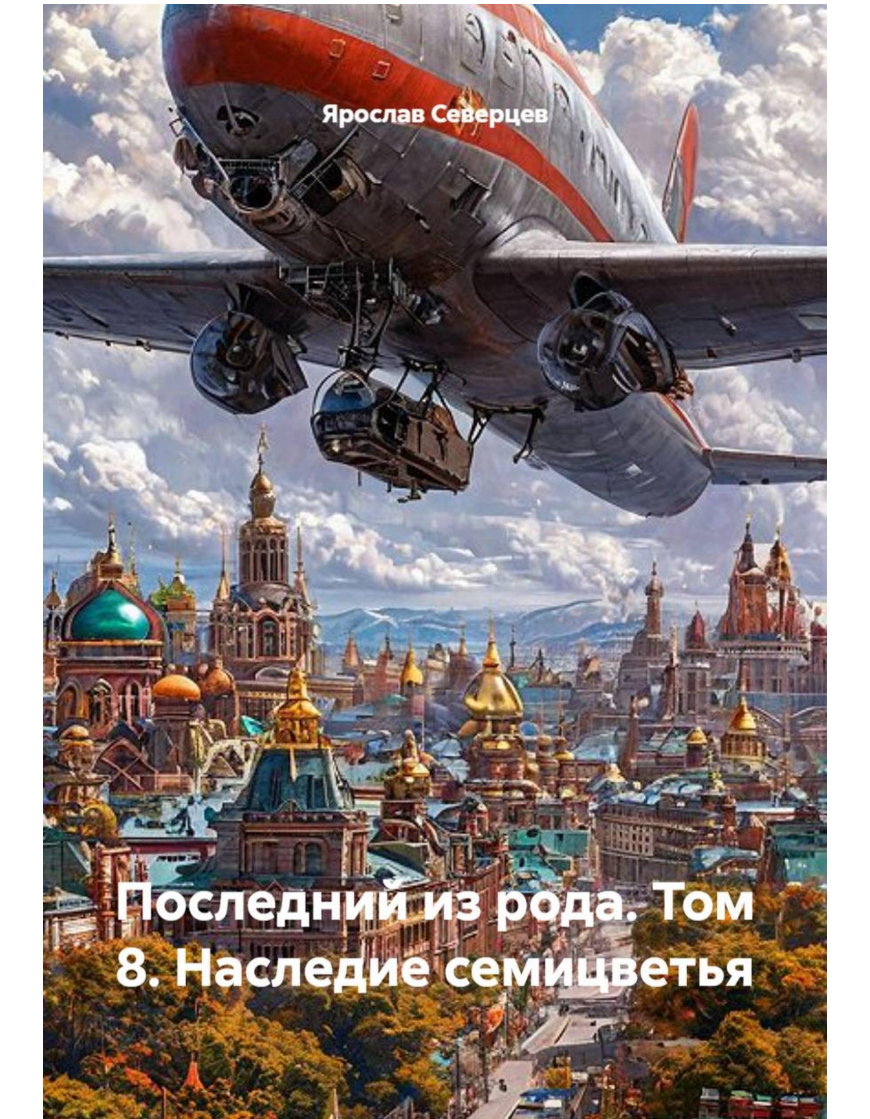

A large, detailed illustration of a biplane flying over a city with many golden domes. The biplane is silver with red stripes and has a small figure on its side. It is carrying a small, dark, box-like object underneath. The city below is filled with ornate buildings and golden domes, set against a backdrop of mountains and a cloudy sky.

Ярослав Северцев

Последний из рода. Том 8. Наследие семицветья

Ярослав Северцев

Последний из рода. Том 8. Наследие семицветья

<https://litres.ru/74166299>

SelfPub; 2026

Аннотация

1950 год. Российская Империя достигла невиданного могущества, соединив вековые магические традиции с передовыми технологиями. Небо бороздят бронированные дирижабли, по Транссибирской магистрали мчатся локомотивы на артефактной тяге, а улицы Санкт-Петербурга освещают неоновые кристаллы. Но на Урале, в фамильном замке Демидовых, гаснет последний свет великой эпохи.

Великий князь Кирилл Демидов — живая легенда, сокрушивший Древнего и семьдесят лет державший в страхе всю Империю, — уходит из жизни. Вместе с ним в небо уносится колоссальная семицветная сила, оставляя наследникам лишь пепел былого величия.

Важно! Это черновой вариант книги. Редактура и вычитка находятся в процессе, поэтому в тексте могут встречаться опечатки, стилистические погрешности и отдельные нестыковки. Заранее приношу извинения за возможные шероховатости и благодарю за понимание и поддержку!

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ярослав Северцев

Последний из рода. Том 8. Наследие семицветья

Глава

Пролог

К тысяча девятьсот пятидесятому году Российская Империя достигла зенита своего неоспоримого могущества, устремив взор в грядущую половину двадцатого столетия. Пережив тектонические сдвиги прошлого века, страна не просто сохранила незыблемый монархический строй и власть великих родов — она переродилась. На смену дымным угольным топкам и примитивным паровым машинам пришла эпоха безупречного триумфа инженерной мысли и высшей магии.

Благодаря прорыву, случившемуся ровно семьдесят лет назад, когда источники силы Урала и Сибири были пробуждены и слиты воедино, магический фон планеты неуклонно рос. С каждым новым поколением благородные фамилии становились сильнее, а сама магия проникла во все сферы государственного бытия. Изменился и сам облик Империи, явив миру феномен магического модернизма.

По бескрайним просторам Сибири, связывая восток и запад, с оглушительным рокотом мчались исполинские транс-континентальные локомотивы. Вместо угля их стальные сердца питали тяжелые, мерцающие лазурью накопительные артефакты, созданные лучшими столичными артефакторами. В небесах над Санкт-Петербургом, Москвой и Тобольском, величественно рассекая облака, плыли бронированные дирижабли военно-воздушного флота Его Императорского Величества. Их колоссальные гондолы удерживались в воздухе не только за счет легких газов, но и благодаря левитационным рунам, высеченным на титановых обшивках. Архитектура великих городов сочетала в себе строгую роскошь неоклассицизма и передовые технологии: строгие гранитные фасады министерств соседствовали с высотными башнями из стекла и заколдованной стали, а улицы освещались мягким, ровным светом стихийных кристаллов.

Но сердцем этой новой, технологичной магии по-прежнему оставался седой Урал. Здесь, вдали от столичного светского шума и придворных интриг, раскинулось колоссальное, сказочно богатое имение рода Демидовых — суверенное княжество внутри великой державы.

Когда-то, в далеком 1880 году, первый князь Кирилл Демидов был отправлен сюда в почетную ссылку. Император Александр, страшая непостижимой, пугающей мощи юности, чьи глаза сияли семью цветами, поспешил удалить его от престола. Но то, что задумывалось как изгнание, обернулось

триумфом. За семь десятилетий глухой зауральский край превратился в неприступную цитадель и экономическое чудо Империи.

На вершине упрямого гранитного утеса, окруженный вековой тайгой, высился фамильный замок Демидовых. Это было архитектурное чудо эпохи: величественные готические шпили и строгие крепостные стены из темного уральского камня гармонично переплетались с массивными металлическими конструкциями, защитными куполами и сложнейшими охранными плетениями высшего порядка. Род Демидовых пользовался в стране абсолютным, почти религиозным уважением. Обыватели и высший генералитет помнили: именно демидовская сталь, их артефакты и, главное, былые заслуги самого основателя держали мир в равновесии. Князь Кирилл был живой легендой, титаном, на чьих плечах покоилось спокойствие границ.

Однако за абсолютную силу всегда приходится платить. Семь источников, некогда объединенных Кирилом в собственном теле, требовали колоссальной воли для сдерживания. Великая магия, спасшая мир от Древнего, год за годом, незаметно, но неотвратимо выжигала своего носителя изнутри. Семицветное пламя истощало меридианы, сокращая жизнь великого мага. К своим восьмидесяти семи годам князь, выглядевший все еще статно, но изможденно, подошел к своей последней черте.

В главном покое замка, где сквозь огромные витражные

окна были видны заснеженные вершины Урала, царила гнетущая тишина. Возле массивной дубовой постели на коленях стояла Вероника — его верная супруга, чью жизнь он когда-то отвоевал у комы. Время коснулось ее волос серебром, но глаза по-прежнему лучились безграничной любовью и скорбью. Рядом с ней стоял их единственный сын — Демид Кирилович Демидов. Поздний ребенок, родившийся, когда князю было уже за семьдесят. Мальчику едва исполнилось пятнадцать лет, и через несколько месяцев он должен был встретить свое шестнадцатое лето.

Демид был удивительно похож на отца лицом: тот же волевой разлет бровей, тот же упрямый подбородок. Но в мире, где магия возросла до невиданных высот, юный Демид оказался... абсолютным бездарен. В его теле не было ни единой крупинцы маны, его каналы были намертво закрыты, а любые попытки пробудить в нем хоть какую-то стихию заканчивались провалом. Общество за глаза называло его «пустоцветом» — точно так же, как когда-то в юности называли его отца. Но, несмотря на свою магическую слепоту, Демид рос поразительно добрым, чутким и бесконечно любящим сыном. Он не озлобился на мир, обожал родителей и до последнего вздоха оберегал покой угасающего отца.

Кирилл повернул голову, и его тускнеющий взор, в котором едва теплились искры семи цветов, остановился на сыне. Князь слабо улыбнулся, собрав последние силы, и положил тяжелую, мозолистую ладонь на плечо Демиды. — Будь...

будь хозяином своей судьбы, сын, — прошептал старик, и его голос, некогда заставлявший трепетать армии, прозвучал мягко. — Сила — это не только магия. Сила — это... сердце.

Это были его последние слова. Великий князь Кирилл Демидов закрыл глаза, и его грудь замерла.

В ту же секунду замок содрогнулся. Воздух в покоях мгновенно раскалился, зазвенел миллионами невидимых струн. Тот колоссальный, невероятный объем магии, который Кирилл сдерживал в себе долгие десятилетия, лишившись контроля, рванулся наружу. С груди покойного князя сорвался ослепительный, яростный столб чистого семицветного света. Он пробил потолок покоев, не повредив камня, и устремился высоко в хмурое уральское небо.

Этот колоссальный радужный столп, видимый за сотни верст вокруг, на мгновение затмил солнце. Магические радары по всей Империи — от Тобольска до Санкт-Петербурга — сошли с ума, фиксируя запредельный всплеск энергии. Сила Кирилла поднялась к самым облакам и там, рассыпавшись миллиардами искр, безвозвратно растворилась в атмосфере, окончательно обогатив магический фон планеты.

В покоях воцарилась звенящая, мертвая тишина. Вероника, тихо зарывав, прижала ладонь к губам. Демид, сжав кулаки, смотрел на отца. Он понимал: в эту минуту изменилось все. Великого защитника больше нет. Род Демидовых, лишившись своего титана, остался на попечении шестнадцатилетнего юноши, не способного зажечь даже самую простую

искру. А хищники в столице, узнав о гибели князя, обязательно захотят прибрать к рукам богатейшие уральские земли.

Глава 1. Прах и золото

Известие о кончине светлейшего князя Кирилла Димидова разнеслось по Империи со скоростью грозового разряда. Радужный столп, пробивший небеса над седым Уралом, стал безмолвным глашатаем конца целой эпохи. В одночасье министерские кабинеты Санкт-Петербурга, бальные залы Москвы и штабы военных округов погрузились в лихорадочное шевеление. Живая легенда, сокрушившая Древнего и сдерживавшая баланс сил в государстве долгие семьдесят лет, ушла в чертоги предков.

В усадьбу Димидовых, сокрытую среди вековой тайги и суровых гранитных круч, потянулись вереницы гостей. Согласно имперскому этикету и неписаным законам дворянской чести, проигнорировать погребение титана не смел никто — от мелких уральских заводчиков до первостатейных родов Белокаменной. К подножию утеса, где располагался частный вокзал княжества, один за другим прибывали роскошные литерные поезда. Их бронированные угольно-черные бока отливали лаком, а тяжелые артефактные двигатели, остывая, глухо рокотали, выпуская в морозный воздух струи зачарованного пара. В небесах, лениво перебирая лопастями стабилизаторов, застыли три огромных правительственных дирижабля. Их массивные тени легли на заснеженные веко-

вые ели, словно траурные ленты.

В самом замке Димидовых царила звенящая, холодная торжественность. Просторный Тронный зал, выстроенный из редкого дымчатого кварца и укрепленный сложнейшими рунными плетениями, был переоборудован под траурный покой. Повсюду висели тяжелые бархатные стяги с изображением геральдического знака рода — свернувшегося кольцом семицветного змея, держащего в пасти обломок древнего меча. Посреди зала, на постаменте из цельного куска уральского малахита, покоился гроб. Кирилл Димидов лежал в своем парадном мундире генерала от инфантерии, увешанном высшими орденами Империи. Его лицо, лишенное привычного при жизни семицветного сияния глаз, казалось высеченным из мрамора — строгим, величественным и пугающе чужим.

Возле гроба, бледная, но несгибаемая, стояла вдова — княгиня Вероника Димидова. Черное шелковое платье с высоким воротником подчеркивало ее хрупкость, а плотная вуаль скрывала глаза, покрасневшие от слез. Семьдесят лет назад муж вырвал ее из лап смерти, и все эти годы они были единым целым. Теперь часть ее души умерла вместе с ним, но положение обязывало держать спину прямо. Род Димидовых не имел права выказывать слабость перед лицом стервятников, уже круживших над усадьбой.

Справа от матери, чуть подавшись вперед, стоял Демид. На нем был строгий черный суконный сюртук — полувоен-

ный наряд, принятый среди учащейся молодежи высшего сословия. Юноша смотрел на отца, и внутри у него все сжималось от глухой, давящей боли. Он помнил тепло отцовской руки, помнил его последние слова о том, что истинная сила кроется в сердце. Но сейчас, оглядывая заполнявшийся зал, Демид кожей ощущал совершенно иные токи. Воздух в помещении был буквально пересыщен чужой магией. Сильнейшие люди страны демонстрировали свою мощь, даже не скрывая этого. От некоторых гостей исходило такое плотное давление стихий, что паркет под их ногами едва заметно вибрировал.

И в этом бурлящем океане маны Демид был абсолютно слеп. Он не видел магических потоков, не ощущал тепла огненных меридианов или холода ледяных плетений, которыми бахвалились прибывшие аристократы. Для всех присутствующих шестнадцатилетний наследник колоссального состояния был пустым местом. Пустоцветом. Недоразумением, которое природа сыграла с великим магом на закате его дней.

Двери зала распахнулись, и церемониймейстер громко, размеренно ударил окованным серебром жезлом о гранитный пол: — Его Превосходительство граф Петр Карамзин! Свита министерства внутренних дел!

По залу прошел едва слышный шепот. Карамзины. Древние, кровные враги Димидовых, которых покойный Кирилл в свое время загнал под плинтус, лишив влияния и земель за

былые предательства. Но за последние десятилетия, пользуясь столичными связями и ростом общего магического фона, Карамзины сумели вернуть былой вес. В зал вошел грузный мужчина лет пятидесяти в безупречно скроенном вицмундире. Его виски серебрились, а в карих глазах прыгали опасные искры — признак высокой ступени владения магией земли. За ним следовали трое молодых гвардейцев, чья выправка и тяжелые фамильные перстни говорили о принадлежности к высшей касте столичных магов-боевиков.

Карамзин неторопливо приблизился к постаменту. Он не стал склонять головы перед гробом, лишь мазнул по лицу покойного равнодушным взглядом. Затем граф повернулся к Веронике и Демиду. На его губах играла едва заметная, едва уловимая светским этикетом снисходительная ухмылка.

— Ваше Сиятельство, — голос Карамзина прозвучал густо, с бархатистыми, но тяжелыми интонациями. — Примите мои глубочайшие соболезнования. Кончина князя Кирилла — невосполнимая утрата для всей Российской Империи. Мы все осиротели без его... твердой руки.

Вероника лишь едва заметно наклонила голову, дав понять, что услышала, но не намерена вступать в пустые беседы. Карамзин, однако, не спешил отходить. Его взгляд переместился на Демида. Граф окинул юношу оценивающим, давящим взором, от которого у обычного человека перехватило бы дыхание. Магическая аура Карамзина на мгновение расширилась, заставив воздух вокруг Демида стать тяжелым,

словно налившимся свинцом. Это была прямая, хоть и скрытая от посторонних глаз проверка. Проверка на прочность.

Демид не дрогнул. Он не мог ответить магическим щитом, не мог вспыхнуть в ответ встречной силой, как сделал бы его отец. Но в его жилах текла кровь Императора прошлой жизни и великого князя. Юноша расправил плечи и открыто, прямо посмотрел в глаза графу. В этом взгляде не было страха — лишь холодное, сосредоточенное спокойствие.

Карамзин уловил это. Его брови на мгновение взметнулись вверх от удивления, но ухмылка быстро вернулась на место. — Молодой человек, — негромко, так, чтобы слышали лишь стоящие рядом, произнес граф. — На ваши плечи ложится колоссальная ответственность. Руководить Уральским уделом, управлять заводами, держать в узде эти суровые земли... Боюсь, для юноши вашего... специфического дарования это может оказаться непосильной ношей. Государь император крайне обеспокоен стабильностью в зауральских губерниях.

— Благодарю за заботу о моем доме, граф, — ответил Демид. Его голос, вопреки ожиданиям Карамзина, не дрожал. Он звучал ровно и на удивление зрело для пятнадцатилетнего подростка. — Но смею вас заверить: удел Димидовых крепок, как уральский гранит. Мой отец оставил после себя не только память, но и порядок, который никто не посмеет нарушить.

Один из молодых гвардейцев из свиты Карамзина тихо, но

отчетливо хмыкнул, едва сдерживая презрительный смешок. Наследник великого рода, не способный сгенерировать даже искру для прикуривания папиросы, рассуждает о порядке перед лицом перворанговых магов земли. Это выглядело бы комично, если бы не траурная обстановка.

— Порядок — вещь изменчивая, княжич, — мягко, почти ласково процедил Карамзин, сузив глаза. — Сегодня он есть, а завтра земля уходит из-под ног. Буквально. Надеюсь, вы будете благоразумны, когда министерство пришлет своих ревизоров для проверки охранных контуров ваших рудников. Без сильной руки мага высшего круга древние плетения вашего отца могут... дестабилизироваться. А мы бы не хотели катастрофы, верно?

Это была открытая угроза. Карамзин открыто заявлял, что столица начнет душить Димидовых проверками, используя магическую немощь наследника как повод для введения внешнего управления или изъятия земель в пользу короны.

Прежде чем Демид успел ответить, к ним тяжелой, уверенной поступью подошел старый воин. Это был генерал Григорий Шелестов — глава личной дружины Димидовых, соратник Кирилла еще со времен его юности. Несмотря на преклонный возраст, Шелестов выглядел монолитом. Его седые усы были аккуратно подстрижены, а на груди красовался орден Святого Георгия. Магическая аура старого генерала, наполненная жесткой, как закаленная сталь, энергией магии звука и металла, глухо зазвенела, мгновенно оттесняя давя-

щую силу Карамзина.

— Граф, — сухо оборвал Шелестов, заставив Карамзина поморщиться от вибрации, прошедшей по ушам. — Траурный зал — не место для обсуждения ведомственных ревизий. Если у министерства есть вопросы, они будут решаться в установленном законом порядке через канцелярию князя. А сейчас я попрошу вас освободить место для других соборствующих. Свита Его Величества уже на подходе.

Карамзин на секунду помрачнел, столкнувшись с жестким отпором старого ветерана, но быстро вернул себе светскую маску. — Конечно, генерал. Конечно. Всего хорошего, княгиня. Увидимся на оглашении завещания, княжич.

Когда Карамзин со своей свитой отошел в глубь зала, Шелестов повернулся к Демиду. В глазах старого воина светилась суровая гордость, смешанная с глубокой тревогой. — Молодец, Демид Кириллович. Держись так же. Они сейчас как псы голодные — зубы скалят, ищут слабину. Отец твой их в узде держал, а теперь они думают, что усадьба без защиты осталась. — Она не без защиты, дядя Гриша, — тихо произнес Демид, глядя вслед уходящему графу. — Заводы работают, дружина верна. — Верна-то верна, — вздохнул Шелестов, понизив голос до шепота. — Да только в нашем веке, Демид, законы пишут те, у кого мана в жилах кипит. Карамзин прав в одном: как только весть о том, что семицветная сила Кирилла ушла в небо, дойдет до Сената, они начнут давить на юридические лазейки. По законам Империи, если

наследник первой очереди не подтверждает магический ранг до шестнадцати лет, род может быть признан угасающим, а земли — переданы под опеку назначенного государством регента. А кто у нас метит в регенты Урала? Правильно, Карамзины и Долгорукие.

Слова генерала тяжелым камнем легли на сердце юноши. До его шестнадцатилетия оставалось всего три месяца. Три месяца до того момента, как имперская комиссия прибудет в замок для проведения официального теста на магическую пригодность. И если результат окажется нулевым — а он, судя по всему, именно таким и будет — замок, заводы, земли и безопасность матери окажутся под угрозой уничтожения. Столичные волки разорвут наследие отца на куски.

Похороны продолжались до самого вечера. Демид отстоял все долгие часы, принимая лицемерные соболезнования, фальшивые улыбки и ловя на себе полные жалости или презрения взгляды. Он запоминал каждое лицо, каждый жест, каждую скрытую усмешку. Внутри него, там, где у обычных магов находилось ядро силы, медленно закипало нечто иное — холодная, кристально чистая решимость. Если мир магического дизельпанка признает только силу, он найдет способ стать сильным. Даже если для этого придется перевернуть само небо.

Поздней ночью, когда замок наконец опустел, а тело великого князя было предано земле в семейной усыпальнице, высеченной в скале под замком, Демид не пошел спать.

Он шел по длинным, безмолвным коридорам, где шаги гулко отдавались от гранитных стен. Пройдя мимо постов верных дружинников, которые приветствовали его четким, уважительным поклоном, юноша приблизился к массивной дубовой двери — личному кабинету отца, куда при жизни князя никто не смел входить без разрешения.

Дверь была запечатана сложным рунным замком, реагирующим на кровь и магическую подпись. Обычный человек или чужой маг не смогли бы даже коснуться ручки — их бы мгновенно испепелило защитное плетение. Демид достал из кармана небольшой серебряный стилет, аккуратно надрезал ладонь и прижал ее к мерцающему рунному кругу в центре двери.

Каналы замка вспыхнули тусклым, угасающим семицветным светом. Кровь сына великого князя была принята. Магии в Демиде не было, но древние узы крови обмануть было невозможно. Тяжелые затворы с глухим щелчком разошлись, и дверь медленно подалась вперед, открывая доступ в святая святых ушедшего титана.

В кабинете пахло дорогим табаком, старой кожей и едва уловимым озоном — остаточным следом великой силы Кирилла. На массивном столе из мореного дуба в идеальном порядке лежали бумаги, чернильные приборы и стопки отчетов о работе уральских мануфактур. В углу высился тяжелый сейф из зачарованной стали, покрытый сложной вязью защитных знаков.

Демид подошел к столу. Прямо по центру, на чистом листе сукна, лежал запечатанный сургучом конверт из плотной гербовой бумаги. На нем размашистым, твердым почерком отца было написано всего одно слово: «Демиду».

С замиранием сердца юноша взял конверт. Сургучный оттиск с изображением семицветного змея поддался с легким треском. Внутри оказался плотный лист бумаги и странный, тяжелый ключ, отлитый из неизвестного Демиду матового темного металла, не отражавшего свет ламп.

Демид развернул письмо и начал читать:

«Сын мой. Если ты читаешь эти строки, значит, мое земное время истекло, и сила, которую я сдерживал, вернулась в мир. Я знаю, какую ношу я оставляю тебе. Я знаю, что этот мир, ставший благодаря мне слишком сильным и жестоким, назовет тебя пустоцветом. Они будут смотреть на тебя сверху вниз, они попытаются отнять все, что мы построили с твоей матерью. Они думают, что без магии человек — лишь пыль под ногами аристократии.

Оны ошибаются, Демид. Когда-то давно я сам начинал свой путь в теле слабого, истощенного юноши, над которым смеялся весь мир. И я победил не потому, что у меня было много маны, а потому, что я знал, как устроен этот мир, и обладал знаниями, способными подчинить себе даже самую пустоту.

Я не смог передать тебе свои меридианы — моя сила выгляла бы тебя еще в утробе матери. Но я оставляю тебе нечто

большее. Ключ, который ты держишь в руках, открывает потайную комнату в самом глубоком ярусе нашей усыпальницы. Там, за семью печатями, хранится мое истинное наследие — не золото, не заводы и не магические артефакты. Там хранятся мои личные дневники из прошлой жизни, подробные схемы устройства человеческого тела, структуры меридианов и, самое главное, запретная техника, которую я создал, но так и не решился применить в этом мире. Техника искусственного сотворения источника из абсолютного нуля.

Путь, который ждет тебя, будет полон боли, крови и испытаний. Тебе придется ломать собственные кости и перекраивать саму свою суть, чтобы заставить этот мир считаться с тобой. Но помни: ты — Димидов. Последний из нашего рода в этом мире. Не преклоняй колен ни перед кем. Ни перед графами, ни перед Императором.

Иди и возьми то, что принадлежит тебе по праву крови».

Демид медленно опустил письмо. Его дыхание было ровным, а пальцы крепко сжали холодный, матовый ключ. Взгляд юноши упал на окно, за которым в ночной темноте высились суровые, заснеженные вершины Урала. Время пошло. До визита имперской комиссии оставалось ровно девяносто дней.

Глава 2. Совет на краю пропасти

Утро после похорон принесло на Урал сухую, звенящую стужу. Солнце, едва поднявшееся над острыми верхушками вековых елей, казалось блеклым, лишенным тепла. Его лучи

преломлялись в морозной дымке, окрашивая гранитные стены замка Димидов в тревожные, багровые тона. Для Демиды эта ночь прошла без сна. Письмо отца, спрятанное во внутренний карман сюртука, словно жгло грудь сквозь ткань, а тяжелый матовый ключ в кармане напоминал о том, что обратного пути нет.

Прежде чем спуститься в Тронный зал, где должен был решиться вопрос о будущем уезда, Демид зашел в покои матери.

В комнате пахло сушеными травами, озоном от поддерживающих жизнь медицинских артефактов и тонким, едва уловимым ароматом старых духов, которые княгиня Вероника любила в юности. В огромной постели под тяжелым бархатным балдахином лежала женщина, в которой трудно было узнать ту гордую, несгибаемую аристократку, что еще вчера стояла у гроба мужа. Смерть Кирилла подкосила ее окончательно. Семьдесят лет назад она едва не погибла от рук темного мага Велеса, и лишь великая сила мужа, заключившего кровавую клятву, вернула ее к жизни. Все эти десятилетия их души и жизненные энергии были сплетены невидимыми узами. Теперь, когда семицветный столп света унес силу Кирилла в небеса, иссякли и жизненные силы Вероники. Старость и сокрушительное горе навалились на нее в одночасье.

Демид тихо опустился на край постели и взял мать за руку. Ее ладонь была сухой, легкой, словно крыло птицы, а некогда сияющие глаза подернулись мутной пеленой угасания.

— Демид — ее голос прозвучал как шелест сухой листвы. Она с трудом повернула голову к сыну, и на ее бледных губах появилась слабая, любящая улыбка. — Мой добрый, мой хороший мальчик Как ты похож на него в молодости. Тот же взгляд упрямый. Не бойся ничего. Твой отец он оставил тебе великое имя.

— Я не боюсь, мама, — тихо, но твердо ответил юноша, бережно сжимая ее пальцы. — Тебе нужно отдыхать. Врачи говорят, что артефакты

— Врачи лгут, чтобы утешить тебя, сынок, — мягко перебила его Вероника, и в ее глазах на мгновение блеснула прежняя, волевая искра. — Мое время исходит. Я чувствую, как рвутся нити, связывавшие меня с твоим отцом. Я ухожу к нему, Демид. Скоро, совсем скоро Мое сердце болит лишь об одном — я оставляю тебя одного в этом жестоком мире. Помни, что говорил отец. Не дай им сломить себя.

Демид молча прижался лбом к ее холодной ладони, сдерживая подступивший к горлу ком. Он понимал, что счет идет если не на дни, то на недели. Мать угасала, и эта потеря грозила стать последним ударом, способным окончательно разрушить легитимность его власти в глазах столичных бюрократов. Если она умрет до его шестнадцатилетия, он останется круглым сиротой, и Сенат назначит опекуна в тот же день, не дожидаясь никаких тестов.

Спустя полчаса, собрав всю свою волю в кулак и вернув лицу маску ледяного спокойствия, Демид вошел в Малый со-

ветный зал замка.

Это помещение, в отличие от парадных залов, было сугубо функциональным: массивный круглый стол из темного уральского дуба, стены, обшитые броневыми листами с вытравленными на них защитными рунами, и огромная тактическая карта Империи, на которой мерцали огоньки димидовских заводов, рудников и военных застав.

За столом Демида уже ждали. Но когда юноша окинул взглядом присутствующих, его сердце вновь болезненно сжалось. Какая же это была горькая, давящая пустота. Из тех великих магов, уникальных мастеров своих стихий, которые семьдесят лет назад плечом к плечу с его отцом спасали Империю и сокрушали Древнего, не осталось никого. Время и враги оказались безжалостны.

Алексей, непревзойденный мастер магии огня, погиб еще тридцать лет назад в степях Казахского генерал-губернаторства, попав в коварную засаду столичных заговорщиков, боявшихся усиления Димидовых. Кузьма, чей звук когда-то мог крушить стены крепостей, скончался от старых ран в своем имении. Михаил, владевший редчайшей магией зеркала, был отравлен неизвестным ядом на дипломатическом приеме в Санкт-Петербурге — виновных так и не нашли, но след вел к Долгоруким. Вероника, его мать, обладательница магии жизни, сейчас умирала в своей постели. Даже Лесовик, старый союзник растительной стихии, давно ушел в глубокую глушь тайги и, по слухам, окончательно слился с

природой, перестав быть человеком.

Из всей старой гвардии за столом сидел лишь один человек — генерал Григорий Шелестов. Старый ветеран магии металла и звука выглядел хмурым, его могучие плечи были опущены, а на бледном лице отражалась глубокая усталость. Он остался последним щитом угасающего рода.

Остальные места занимали люди нового поколения, назначенные Кирилом за их профессиональные качества, но не связанные с родом узами пролитой крови. Здесь был управляющий заводами Аркадий Карлович Вейс — сухой, педантичный мужчина в строгом сюртуке и очках, чей мозг работал лучше любого вычислительного артефакта, но в чьих жилах текла лишь слабая, бытовая магия воздуха, пригодная разве что для сушки чернил. Рядом сидел начальник тайной канцелярии уезда полковник Разумовский — человек с неприметным лицом и холодными глазами мага разума среднего круга. И еще трое старших офицеров дружины, крепких боевиков, но бесконечно далеких от уровня тех титанов, что основывали это княжество.

Демид прошел к председательскому креслу — высокому, обтянутому кожей сиденью с резным гербом Димидов на спинке. Он не сел, остался стоять, опершись ладонями о край дубового стола.

— Господа, — голос Демиды прозвучал сухо и отчетливо, заполнив тишину зала. — Времени на долгие предисловия у нас нет. Мой отец упокоился в усыпальнице. Сила ро-

да ушла. Мы остались лицом к лицу с Империей, которая только и ждет момента, чтобы забрать наши земли. Аркадий Карлович, начните с отчета по заводам. Что у нас на данный момент?

Вейс поправил очки, его пальцы слегка дрожали, когда он открывал кожаную папку с гербовой печатью.

— Ситуация тревожная, Ваше Сиятельство, — начал управляющий, подбирая слова с истинно министерской осторожностью. — Как только вчера вечером угас радужный столп, столичные биржи отреагировали мгновенно. Акции наших металлургических и артефактных мануфактур упали на четырнадцать процентов за ночь. Но это полбеды. Сегодня утром я получил депешу из Министерства путей сообщения. Они задерживают оплату за последнюю партию локомотивных накопителей. Ссылаются на необходимость дополнительной экспертизы качества.

— Какая к черту экспертиза! — глухо рыкнул генерал Шелестов, ударив тяжелым кулаком по столу так, что чернильницы подпрыгнули. — Наши накопители — лучшие в мире, на них вся Сибирская магистраль держится! Они просто перекрывают нам финансовый кислород, проверяют, прогнемся ли мы без князя Кирилла!

— Совершенно верно, генерал, — спокойно продолжил Вейс, не глядя на старого воина. — Более того, на Нижнетагильском артефактном заводе три часа назад произошел сбой. Защитные контуры плавильных печей, которые лич-

но настраивал покойный князь, начали терять стабильность. Без подпитки его уникальной маной семи цветов плетения истощаются. Нам срочно нужны маги высшего круга стихии земли и огня для перенастройки, иначе производство тяжелых артефактов встанет через две недели. А нанять таких мастеров со стороны — это колоссальные деньги и огромный риск шпионажа.

Демид внимательно слушал, фиксируя каждую деталь. Система, выстроенная его отцом, была гениальной, но она замыкалась на его личную, запредельную мощь. Стоило титану уйти, как шестеренки огромного механизма начали со скрипом останавливаться.

— Что по линии безопасности, полковник? — Демид повернул голову к Разумовскому.

Начальник тайной канцелярии выпрямился, его взгляд был прямым и жестким. — Мои люди в Tobольске и Санкт-Петербурге докладывают: Карамзины уже сформировали лобби в Сенате. Вместе с Долгорукими они готовят проект императорского указа о назначении временной регентской комиссии над Уральским удельным округом. Официальный повод — защита стратегических интересов Империи ввиду магической неполноценности прямого наследника и тяжелого состояния вдовы-княгини. Они знают, Демид Кириллович, что у вас нет дара. И они знают, что княгиня Вероника слегла.

В зале повисла тяжелая, удушливая тишина. Офицеры

дружины переглянулись. В их глазах читал один и тот же немой вопрос: как шестнадцатилетний подросток-пустоцвет сможет остановить эту лавину? Некоторые из них уже, верно, подумывали о том, кому из столичных графов выгоднее продать свои шпаги, когда замок падет.

Демид кожей почувствовал это колебание верности. Он понял: если сейчас он проявит хоть каплю слабости, Малый совет превратится в похоронную команду для его рода.

Юноша медленно выпрямился. Он обвел присутствующих тяжелым, пронзительным взглядом, в котором странным образом сочетались юношеская резкость и абсолютная, непоколебимая уверенность покойного отца.

— Значит, они считают, что Димидовы стали легкой добычей? — тихо, но с опасным придыханием произнес Демид. — Думают, что раз в моих жилах не бурлит мана, то у этого дома больше нет зубов?

Он сделал шаг вперед, подойдя к тактической карте.

— Слушайте меня внимательно. Никаких уступок министерствам. Аркадий Карлович, отправьте в Министерство путей сообщения официальную ноту: если оплата за накопители не поступит в течение сорока восьми часов, мы останавливаем обслуживание рунных контуров на всем уральском участке магистрали. Пусть их хваленые дизель-маги сами попробуют сдвинуть многотонные составы с места без нашей энергии. Посмотрим, как быстро закричит министр, когда встанут военные эшелоны.

Вейс сглотнул, его лицо побледнело: — Но Ваше Сиятельство, это же прямой конфликт с Коронай Это бунт!

— Это защита частной собственности, гарантированная Сводом Законов Российской Империи, — отрезал Демид. — По поводу Нижнетагильского завода: генерал Шелестов, выделите из дружины трех лучших магов металла. Пусть запечатают печи механическими стабилизаторами по старым чертежам. Мы снизим объемы производства на десять процентов, но сохраним автономность. Нам не нужны наемные столичные мастера. Это шпионы Карамзина, и мы не пустим их на порог.

Шелестов ухмыльнулся под седыми усами, в его глазах вспыхнул яростный огонек: — Будет исполнено, княжич! Запечатает так, что ни одна столичная крыса не пролезет.

— Полковник Разумовский, — Демид повернулся к главе тайной службы. — Ваша задача — усилить контрразведку в усадьбе и на рудниках. Любые попытки саботажа или передачи информации в столицу карать по законам военного времени. Мой отец дал дружине право расстрела на месте за измену на территории уезда — это право никто не отменял. И найдите мне информацию по имперской комиссии, которая должна прибыть через три месяца. Мне нужны поименные списки экспертов, их слабости, их связи с Карамзиными. Каждую деталь.

Разумовский наклонил голову, и на его бесстрастном лице впервые появилось нечто, похожее на уважение. — Слу-

шаюсь, Ваше Сиятельство. Будет сделано.

Демид обвел взглядом притихший совет. Сомнения в глазах офицеров сменились растерянностью и подсознательным подчинением этой яростной, молодой воле. Они ждали испуганного мальчика, а увидели лидера, готового объявить войну всей Империи ради сохранения своего дома.

— Запомните, господа, — подвел итог Демид, и его голос зазвенел, словно сталь. — У нас есть ровно девяносто дней до моего шестнадцатилетия. Девяносто дней, чтобы доказать Сенату, что Урал по-прежнему принадлежит Димидовым. И мы заставим их захлебнуться собственной желчью. Свободны.

Когда присутствующие начали спешно покидать зал, генерал Шелестов задержался. Он дождался, пока тяжелые двери закроются, и подошел к Демиду. Старый воитель положил свою тяжелую руку на плечо юноши.

— Ты задал им жару, парень. Кирилл бы гордился тобой. Но ты же понимаешь Одними угрозами и приказами мы Сенат не остановим. Через три месяца приедет комиссия. Если ты не покажешь им хоть какую-то магию, они заберут замок по закону, и никакая дружина не пойдет против указа самого Императора. Что ты задумал, Демид? У тебя ведь есть какой-то план?

Демид посмотрел на старого друга отца. Юноша знал, что Шелестов верен до гроба, но раскрывать тайну отцовского письма пока не следовало — слишком высоки были ставки.

— План есть, дядя Гриша, — тихо ответил Демид, коснувшись пальцами ключа в кармане сюртука. — Сегодня ночью мне понадобится доступ в самый нижний ярус усыпальницы. Тот, что запечатан старыми рунами крови. Выстави туда самых верных людей из личной охраны отца. Никто не должен знать, что я туда спускаюсь. Даже мама.

Шелестов сузил глаза, вглядываясь в лицо юноши, словно пытаясь прочесть его мысли. Затем он медленно, тяжело кивнул. — Хорошо. Личная гвардия Кирилла перекроет проходы. Ни одна живая душа не узнает. Но будь осторожен, Демид. Нижние ярусы там старая магия Димидовых. Она не прощает ошибок. Особенно тем, у кого нет щита.

— Я буду осторожен, — пообещал Демид.

Когда генерал вышел, Демид остался в зале один. Он подошел к окну и посмотрел на расстилающуюся внизу бескрайнюю, суровую тайгу. Внутри него крепла ледяная решимость. Мир магического модернизма, со своими дирижаблями, бронепоездами и надменными аристократами, еще не знал, на что способен человек, которому нечего терять, кроме чести своего великого рода.

Глава 3. Спуск в бездну

Полночь опустилась на уральский замок Димидовых тяжелым, непроницаемым саваном. За окнами завывал ледяной ветер, швыряя пригоршни колючего снега в толстые вит-

ражные стекла. В самом замке стихло все. Огромные коридоры, днем полные шорохов и затаенного страха слуг, погрузились во тьму, нарушаемую лишь ровным, безжизненным сиянием стихийных кристаллов, вмонтированных в гранитные своды.

Демид стоял перед зеркалом в своей спальне. Он сменил строгий ученический сюртук на прочную рабочую куртку из толстой, просмоленной воловьей кожи, плотные суконные штаны и высокие сапоги на шнуровке — одежду, которую обычно носили инженеры на демидовских мануфактурах. На пояс он пристегнул ножны со старым отцовским стилетом. Магии в юноше не было, но сталь всегда оставалась сталью. В правый карман лег матовый темный ключ, в левый — сложенный лист отцовского письма.

Выскользнув из комнаты, Демид бесшумной тенью направился к усыпальнице.

Вход в подземные ярусы располагался в самом дальнем крыле замка, за тяжелой кованой дверью, уходящей глубоко в основание скалы. Здесь его уже ждали. Два рослых дружинника из личной гвардии покойного князя стояли неподвижно, словно каменные изваяния. На них были тяжелые броневые кирасы с выжженными защитными знаками, а в руках они сжимали массивные скорострельные карабины — последнее слово имперской инженерной мысли, работающее на артефактных патронах.

При приближении Демида гвардейцы синхронно вскину-

ли руки к груди в четком, воинском приветствии. Рядом из тени шагнул генерал Шелестов. Старый воитель был одет в походную шинель, а его правая рука покоилась на эфесе тяжелой офицерской сабли.

— Все готово, княжич, — негромко, едва не переходя на шепот, произнес генерал. — Проходы заблокированы. Мои парни будут стоять здесь насмерть. Ни одна живая душа, ни одна столичная ищейка не узнает, что ты внизу. Но помни, Демид: нижние уровни не посещались больше сорока лет. Твой отец запечатал их после того, как укрепил власть на Урале. Там древняя магия, которая подчиняется только законам крови Димидовых. Если что-то пойдет не так мы не сможем прийти к тебе на помощь. Магические контуры просто выжгут любого, в ком нет нужной генетической подписи.

— Я знаю, дядя Гриша, — Демид твердо посмотрел в глаза старому солдату. — Но у меня нет выбора. Через три месяца здесь будет комиссия Сената. Если я останусь прежним — мы потеряем всё. Открывайте.

Генерал тяжело вздохнул, повернулся к массивной двери и приложил ладонь к массивному рунному замку. Металл глухо зазвенел, подчиняясь магии звука Шелестова, тяжелые засовы скрежетнули, и дверь медленно, с неохотой разошлась в стороны, открывая зев уходящей вниз винтовой лестницы. Из темноты повеяло сухим холодом, запахом застоявшейся пыли, векового камня и едва уловимым, покалывающим кожу привкусом озона.

Демид взял у одного из гвардейцев тяжелый артефактный фонарь. Стекло прибора светилось мягким, ровным желтоватым светом, разгоняя вековую тьму на несколько шагов вперед. Юноша сделал шаг за порог. Тяжелая дверь за его спиной закрылась с глухим, отсекающим весь остальной мир стуком.

Спуск казался бесконечным. Ступени, высеченные прямо в гранитной толще уральского хребта, уходили все глубже и глубже. Демид миновал первый ярус, где в нишах покоились саркофаги дальних родственников и предков рода Димидовых, живших еще до великого возвышения Кирилла. Миновал второй ярус, где воздух стал заметно холоднее. Начиная с третьего яруса, стены коридора начали меняться. Вместо обычной дикой скальной породы под свет фонаря стали попадаться массивные плиты из темного, почти черного обсидиана. На них были высечены сложные, переплетающиеся узоры — рунные цепи, которые мерцали едва заметным, угасающим семицветным светом. Это была личная магия его отца, оставленная здесь десятилетия назад.

Чем глубже спускался Демид, тем сильнее он ощущал странное, давящее чувство. Магии в нем не было, он не мог видеть потоков энергии, но его тело — плоть и кровь — подсознательно реагировало на колоссальную мощь, запечатанную в этих стенах. Сердце стучало в ушах тяжелыми, редкими ударами. Воздух казался густым, словно юноша шел по дну глубокого водоема.

Наконец лестница закончилась, выведя его в просторный круглый зал. Свет фонаря выхватил из темноты высокие обсидиановые колонны, уходящие в невидимый потолок. Пол под ногами был идеально гладким, зеркальным. Прямо по центру зала высились массивные ворота, отлитые из того же матового темного металла, что и ключ в его кармане. Ворота были лишены каких-либо украшений, замков или петель. Лишь в самом центре, на стыке двух половин, виднелось небольшое круглое углубление.

Демид подошел ближе. Его дыхание оставляло в холодном воздухе легкие облачка пара. Он достал из кармана матовый ключ. Тот словно почувствовал приближение к родному месту — металл в пальцах юноши едва заметно потеплел.

Демид вставил ключ в углубление. Тот вошел идеально, без малейшего зазора, словно капля воды, упавшая в сухую землю.

В ту же секунду зеркальный пол под ногами вздрогнул. Обсидиановые колонны вокруг залы вспыхнули ярким, резким светом. Но это был не привычный семицветный свет магии Кирилла. Это было глубокое, фиолетово-черное сияние, от которого по стенам поползли длинные, ломаные тени. Демид замер. Рунные цепи на воротах начали приходить в движение, перестраиваясь со скрежетом, напоминающим хруст ломающихся костей.

Ворота медленно, с тяжелым вздохом многовекового сна, разошлись в стороны.

За ними открылась небольшая, квадратная комната, больше похожая на келью монаха или лабораторию алхимика древности. Здесь не было роскоши замка. В центре стоял простой каменный постамент, на котором покоилась массивная шкатулка из темного дерева, окованная полосами незнакомоего металла. Рядом на стене висела огромная, детальная анатомическая схема человеческого тела, выполненная необычными, светящимися в темноте красками. На ней были прорисованы тысячи мельчайших линий — меридианов, и десятки крупных узлов — ядер силы. Но схема отличалась от тех, по которым учили магов в имперских академиях. Эти линии были переплетены в совершенно ином, пугающем и противоестественном порядке.

Демид переступил порог кельи. Как только его сапог коснулся каменного пола, ворота за его спиной стремительно захлопнулись. Юноша даже не обернулся. Он подошел к постаменту и протянул руку к шкатулке. Откинув тяжелую крышку, он увидел внутри толстую тетрадь в переплете из грубой, потемневшей от времени кожи. На первой странице размашистым, твердым почерком отца было написано: «Дневник Святослава. О природе Истинного Горнила».

Святослав. Демид знал это имя. Отец в редкие минуты откровений упоминал, что в прошлой жизни, до своего перерождения в роду Димидовых, он был Последним Императором великого, но уничтоженного предательством мира, и звали его Святославом.

Демид бережно перевернул страницу и погрузился в чтение. Строки, написанные чернилами, которые, казалось, сохранили в себе крупницы застывшей маны, въедались в память юноши.

«Этот мир, в котором я переродился, глуп и ограничен, — писал Кирилл-Святослав. — Местные маги считают дар благословением небес или капризом генетики. Они рождаются с готовыми ядрами и меридианами, развивая лишь то, что дала им природа. Если ты родился с искрами огня — ты будешь жечь. Если родился пустым — ты останешься грязью под ногами. Они не понимают, что человеческое тело — это идеальный, универсальный холст, способный вместить в себя любую силу, если знать законы Архитектуры Души.

Когда я понял, что мой сын Демид родится без магии, мое сердце облилось кровью. Моя собственная, запредельная семицветная сила выжгла его каналы еще в зачатке, сделав их абсолютно непроходимыми для обычной маны. Обычные методики культивации убьют его в первую же секунду. Для него есть лишь один путь. Страшный. Запретный. Путь, который в моем прежнем мире называли "Сотворением Истинного Горнила".

Суть техники проста и ужасна. Если у тебя нет естественного источника — ты должен создать его сам. Но нельзя построить дом на болоте. Чтобы выдержать силу, тело должно быть перестроено. Демид, если ты решишься на это, помни: у тебя нет магии, чтобы защитить свои органы изнутри. Те-

бе придется ломать свои меридианы вручную. Чистая воля и физическая боль — вот твои единственные инструменты».

Демид сглотнул сухую слюну. Страницы дневника подробно описывали первый этап техники, который назывался «Разрушение ветхого храма». Юноше требовалось принять особое вещество — концентрированную эссенцию семицветного источника, которую Кирилл запечатал в небольшом хрустальном флаконе, лежащем на дне шкатулки. Эта эссенция, попав в тело пустоцвета, не начнет питать его магией. Напротив, она начнет агрессивно, яростно выжигать и разрушать остатки закрытых, окаменевших меридианов.

«Боль будет такой, словно в твои вены заливают расплавленный металл, — предупреждал отец со страниц дневника. — Твои кости будут трещать, а мышцы — рваться от судорог. Обычный человек умирает от болевого шока в первые три минуты. Но если твоя воля окажется крепче стали, если ты сможешь удержать сознание и с помощью ментальной концентрации направить разрушительную энергию эссенции по строго определенному контуру — ты очистишь место для Истинного Горнила. Ты создашь искусственные каналы, способные впитывать энергию напрямую из окружающего мира, минуя природные ограничения. Ты станешь магом, которого этот мир еще не видел. Но цена цена — это ад, через который нужно пройти наяву».

Демид закрыл дневник. Его пальцы слегка дрожали, но в глазах горел холодный, фанатичный огонь. Девяносто дней.

У него осталось всего девять дней. Карамзины уже готовят бумаги для захвата усадьбы. Мать угасает в постели. Союзники отца мертвы или слабы. Спасения ждать некого. Либо он пройдет через этот ад, либо род Димидовых прекратит свое существование, растерзанный столичными хищниками.

Юноша достал из шкатулки маленький хрустальный флакон. Внутри него переливалась густая, тяжелая жидкость, мерцающая всеми цветами радуги. На ощупь флакон казался ледяным, но от него исходила такая плотная аура скрытой мощи, что воздух вокруг Демиды начал едва заметно вибрировать.

Демид разделся по пояс, аккуратно сложив вещи на каменный пол. Он сел в центр комнаты, скрестив ноги, как было показано на анатомической схеме отца. Взгляд юноши остановился на рисунке Истинного Горнила — узле, который должен был сформироваться в районе его солнечного сплетения после того, как старые каналы будут разрушены.

— Я — Димидов, — тихо, но с абсолютной, звенящей решимостью произнес Демид в пустую, безмолвную темноту кельи. — Последний из рода. И я не преклоню колен.

Он зубами сорвал тяжелую свинцовую печать с горлышка флакона. Запах озона и чистой, концентрированной магии мгновенно заполнил комнату, заставив стены глухо гудеть. Не давая себе ни секунды на сомнения, Демид опрокинул флакон и выпил обжигающую, густую жидкость до последней капли.

Первое мгновение ничего не происходило. Жидкость показалась безвкусной и прохладной. Но спустя три удара сердца внутри Демида словно взорвалось маленькое, яростное солнце.

— А-а-а-а-агх! — дикий, полный нечеловеческой муки крик сорвался с его губ, но обсидиановые стены комнаты поглотили звук, не выпустив наружу ни единой децибелы.

Эссенция Кирилла рванулась по телу юноши, словно поток раскаленной лавы. Закрытые, спящие каналы, не готовые к такому объему чистой энергии, начали лопаться один за другим. Демид рухнул на каменный пол, его тело выгнулось дугой в яростной судороге. Кровь брызнула из носа и из-под ногтей. Боль была настолько абсолютной, всеобъемлющей, что его разум попытался спасительно провалиться в спасительное беспамятство.

«Не смей! — закричал Демид самому себе внутри своего сознания, цепляясь за ускользающие нити мыслей. — Если уснешь — умрешь! Держи контур! Держи контур, щенок!»

Перед глазами, обьятыми багровым туманом, всплыла анатомическая схема отца. Демид, стиснув зубы так, что они затрещали, начал силой одной лишь своей безумной, упрямой воли перенаправлять бушующий внутри него семицветный пожар. Он заставлял раскаленную эссенцию не просто разрушать его плоть, а выжигать новые, глубокие борозды в самих его костях и мышцах — контуры будущих, искусственных меридианов.

Каждая секунда тянулась как вечность. Его тело горело, кости трескали, ломаясь и срастаясь в новом, противоестественном порядке под воздействием великой магии отца. Это была истинная переплавка. Переплавка пустоцвета в Горнило.

Глава 4. Первое пробуждение

Когда багровый туман безумной, испепеляющей боли наконец начал рассеиваться, Демид обнаружил себя лежащим на зеркальном обсидиановом полу тайной кельи. Каждая мышца, каждая кость в его теле ныли так, словно по нему прокатился один из многотонных трансконтинентальных локомотивов отца. Его рабочая куртка из толстой воловьей кожи на груди была разорвана судорогами, а на камнях вокруг запеклись темные капли крови.

Юноша с трудом приподнялся на локтях, тяжело и хрипло дыша. Воздух со свистом вырывался из его груди, но, вопреки ожиданиям, Демид не чувствовал себя умирающим. Напротив, сквозь тотальную физическую усталость пробивалось совершенно иное, пугающее и одновременно пьянящее ощущение.

Внутри него, прямо в районе солнечного сплетения, теперь пульсировало нечто новое. Оно походило на крошечную, ледяную и абсолютно пустую каверну. Черную дыру, лишенную собственной энергии, но жадно стремящуюся заполнить этот вакуум. Искусственные каналы, которые он силой своей безумной воли выжег в собственных костях и мы-

шечных волокнах, слабо вибрировали, откликаясь на эту внутреннюю пустоту.

Техника «Разрушение ветхого храма» завершилась успехом. Ветхий замок пустоцвета был сломан, а на его обломках заложили фундамент «Истинного Горнила». Но радоваться было рано.

Демид попытался встать, и его колени тут же подогнулись. Юноша едва успел выставить руки, чтобы не удариться лицом об обсидиановые плиты. Его затрясло от крупной, холодной дрожи. Взглянув на свои ладони под мягким светом артефактного фонаря, он похолодел: кожа была бледной, почти прозрачной, а под ней отчетливо проступали потемневшие, истощенные вены.

Дневник отца не лгал. Эссенция Кирилла лишь разрушила старое и создала контур для нового. Но сейчас это новорожденное Горнило, оставшись без подпитки, начало агрессивно пожирать жизненные силы самого Демиды, чтобы просто сохранить свою структуру. Искусственные меридианы требовали колоссального объема чистой, концентрированной маны для стабилизации. Если в ближайшие часы он не найдет источник энергии, его собственное тело просто перегорит, сколлапсировав внутрь этой искусственной пустоты.

Кое-как собрав остатки сил, Демид оделся, спрятал дневник и флакон обратно в шкатулку и запечатал тайную комнату. Ключ из матового металла, вернувшийся в его карман, теперь казался ледяным осколком. Каждая ступень навверх,

к выходу из усыпальницы, давалась ему с боем. Но когда тяжелая кованая дверь наконец разошлась в стороны, Демид сумел выпрямить спину и сделать лицо бесстрастным, хоть перед глазами и плыли черные круги.

У выхода его по-прежнему преданно ждали гвардейцы и генерал Шелестов. Едва завидев бледного, пошатывающегося юношу, с чьих порванных рукавов и воротника виднелись следы запекшейся крови, старый воитель рванулся вперед, подхватив его под руку.

— Демид! Матерь Божья Что ты с собой сделал, парень? — Шелестов испуганно вглядывался в изможденное лицо крестника, его магия звука глухо зазвенела от волнения. — Твое сердце колотится как безумное, а аура Господи, да от тебя веет могильным холодом! Вызвать врачей? Я сейчас же прикажу

— Нет! — хрипло, но властно перебил его Демид, мертвой хваткой вцепившись в предплечье генерала. Его пальцы, лишённые магии, но перестроенные запретной техникой, сжались на броневибраторе Шелестова с такой силой, что металл жалобно звякнул. Генерал удивленно покосился на его руку. — Никаких врачей. Столичные ищут Карамзина только и ждут, чтобы усадьба заговорила о моей болезни. Дядя Гриша, врачи мне не помогут. Мне нужна мана. Много маны. И прямо сейчас.

Шелестов сузил глаза, мгновенно оценив ситуацию. Как старый боевой пес, он умел отбрасывать лишние вопросы,

когда пахло смертью. — Сколько? Я могу влить в тебя свою силу, но магия металла и звука слишком жесткая для неподготовленного тела, она порвет твои меридианы, если они

— Вашей силы не хватит, — покачал головой Демид, с трудом сглатывая сухую слюну. — Мне нужен чистый, первозданный источник. Отец писал под нашим Нижнетагильским артефактным заводом есть скрытый малый источник силы Димидовых. Тот самый, который питал первые плавильные печи в 1880 году. Он еще функционирует?

Генерал на секунду замер, его лицо посерьезнело еще сильнее. — Функционирует. Твой отец запечатал его внешние выходы тридцать лет назад, когда перевел уезд на общую сеть семи источников, но само ядро малого источника бьет прямо в подземных кавернах под третьим плавильным цехом. Там сейчас как раз дежурит моя личная рота. Доступа туда нет никому, кроме меня и управляющего Вейса. Но Демид там плотность дикой, неочищенной магии земли и огня такова, что обычного человека без высшего магического щита просто расплющит или сожжет заживо. Пять минут в той каверне для пустоцвета — верная смерть.

— Я больше не пустоцвет, дядя Гриша, — тихо произнес Демид, и в его утомленных глазах на мгновение вспыхнул тот самый холодный, фанатичный огонь, который Шелестов так часто видел у покойного князя Кирилла. — Или мы едем туда сейчас, или к утру род Димидовых останется без наследника.

Генерал не стал спорить. Он резко повернулся к гвардейцам: — Приготовить закрытый броневедомитель князя. Выезд через пять минут по запасному туннелю. Никаких мигалок, никаких докладов в штаб уезда. Для всех — княжич Демид отдыхает в своих покоях после тяжелого дня. Выполнять.

Спустя двадцать минут тяжелый, покрытый матовой черной броней автомобиль «Руссо-Балт» на артефактном ходу бесшумно выкатился из подземных ворот замка и на огромной скорости понесся по закрытой технологической эстакаде в сторону Нижнетагильского промышленного узла. За рулем сидел сам Шелестов, выжимая из машины максимум. За окнами мелькала заснеженная ночная тайга, сменяясь исполинскими силуэтами мануфактур, чьи трубы даже ночью изрыгали в небо снопы искр и густой, зачарованный пар.

Демид полулежал на заднем сиденье, чувствуя, как с каждой минутой его Горнило внутри становится все более агрессивным. Оно требовало пищи. Органы юноши начинали неметь, а дыхание становилось все более поверхностным. Время стремительно истекало.

Когда броневедомитель затормозил в глубоком подземном бункере под третьим цехом завода, Демид уже не мог идти сам. Шелестов практически перекинул его руку через свое могучее плечо и потащил вперед — мимо удивленных, но безмолвных часовых дружины, сквозь несколько уровней бронированных гермодверей, покрытых сложнейшими рунны-

ми плетениями.

Наконец они остановились перед последней, колоссальной плитой из титана и зачарованного гранита. Генерал приложил к панели управления свой офицерский перстень-ключ и активировал звуковой пароль. Плита с тяжелым, стонущим звуком поползла вверх.

Из открывшегося проема Демиду в лицо мгновенно ударил яростный, раскаленный поток воздуха. Воздух здесь был настолько перенасыщен дикой энергией, что казался осязаемым, густым и светящимся. Внизу, в глубоком скальном разломе, бурлило и пульсировало истинное чудо природы — малый скрытый источник Димидовых. Это было подземное озеро жидкого, расплавленного камня, из которого вверх, с глухим рокотом, вырывались протуберанцы чистой, багрово-золотой магии земли и огня. Стены каверны светились от колоссального напряжения, а воздух непрерывно трещал от статических разрядов.

Генерал Шелестов, даже будучи магом высшего круга, мгновенно активировал вокруг себя и Демида тяжелый, звенящий щит из магии металла, защищая их от удушающего жара.

— Дальше я не пойду, княжич, — тяжело дыша от ментального давления источника, прокричал Шелестов, пытаясь перекрыть гул подземного пламени. — Мой щит едва сдерживает этот напор. Если я подойду ближе к краю, дикая магия земли вступит в конфликт с моим металлом, и нас обоих

разнесет на атомы. Ты уверен, Демид?! Это чистое безумие!

Демид не ответил. Он мягко отстранился от генерала, выходя за пределы его защитного купола.

В ту же секунду дикий, яростный жар источника обрушился на его тело. Обычный человек, лишенный магии, мгновенно загорелся бы или задохнулся, ведь температура в каверне превышала все мыслимые пределы. Но случилось то, чего генерал Шелестов никак не мог ожидать.

Дикая, багровая магия огня и земли, ринувшись к беззащитному юноше, не испепелила его. Едва коснувшись его кожи, потоки энергии наткнулись на ту самую искусственную пустоту, что сидела внутри Демиды. Его Горнило, почуввав пищу, издало воображаемый, голодный рев внутри его сознания.

Все тело Демиды мгновенно покрылось сеткой светящихся багровых линий — это активировались его новые, искусственные меридианы, выжженные в костях. Юноша сделал тяжелый шаг вперед, к самому краю обрыва, над бурлящим магическим озером. Он раскинул руки в стороны и глубоко, полной грудью втянул в себя раскаленный, светящийся воздух каверны.

— Назад! — в ужасе закричал Шелестов, но его голос потонул в колоссальном, оглушительном гуле.

Из подземного источника вверх взметнулся мощный, ревающий вихрь багрово-золотой энергии. И этот вихрь, вместо того чтобы уничтожить нарушителя, начал стремитель-

но, с колоссальной скоростью вкручиваться прямо в солнечное сплетение Демида.

Юноша закричал, но это был не крик боли, а крик перевозданного, дикого триумфа. Его Горнило ожило. Оно закрутилось со скоростью безумного турбо-ротора, впитывая, перемалывая и утрамбовывая в себя тонны дикой, необузданной магии земли и огня. Искусственные каналы, сжимаемые этим колоссальным давлением, начали укрепляться, кристаллизоваться, превращаясь из кровотокающих борозд в безупречные, прочные рельсы для новой силы.

Генерал Шелестов, потрясенный до глубины души, упал на одно колено, едва удерживая собственный щит. Он во все глаза смотрел на парня, который стоял в самом эпицентре магического шторма. Шестнадцатилетний пустоцвет, его крестник, прямо сейчас совершал невозможное — он подчинял себе дикий источник Урала без единого защитного заклинания, впитывая ману так, словно его тело было бездонным колодцем. В этот момент Демид был пугающе, невероятно похож на своего отца Кирилла в его лучшие, самые грозные годы.

Процесс стабилизации длился не более пяти минут, но за это время малый источник Димидовых, бушевавший здесь столетиями, заметно поутих. Бурлящее лавовое озеро опустилось на несколько метров, а его свечение стало более ровным и спокойным.

Вихрь энергии опал. Демид медленно опустил руки. Его

рабочая куртка окончательно сгорела, обнажая атлетическое, перестроенное тело. Но теперь его кожа не была бледной. Под ней больше не чернели истощенные вены — вместо этого по его искусственным каналам лениво, уверенно текли тяжелые, багрово-золотые токи укрощенной магии земли и огня.

Юноша повернулся к генералу. Его взгляд изменился навсегда. В глубине его карих глаз теперь отчетливо, глубоко пульсировали два тяжелых, огненных огонька.

Демид сделал шаг назад, к Шелестову. Его походка стала легкой, бесшумной и хищной. Физическая усталость исчезла, сменившись колоссальной, бьющей через край силой. И хотя его Горнило заполнилось лишь на малую часть, первый шаг к триумфу был сделан.

— Мое Горнило стабилизировалось, дядя Гриша, — ровным, низким голосом произнес Демид, протягивая руку старому ветерану, помогая ему подняться. — Теперь у нас есть зубы. И когда приедет столичная комиссия им очень не понравится то, что они здесь увидят.

Шелестов поднялся, с нескрываемым благоговением и легким страхом глядя на юношу. — Ты ты сотворил чудо, Демид. Я не знаю, какую технику оставил тебе Кирилл, но это это за рамками всего, чему учат в Академии. Но помни: Карамзины не будут ждать три месяца. Мои парни на заводе докладывают, что их шпионы уже рыщут вокруг наших границ. Нам нужно спешить.

Демид ухмыльнулся, чувствуя, как внутри его нового Горнила тяжело и уверенно ворочается подчиненная магия уральской земли. Время слабости безвозвратно ушло. Род Димидовых возвращался в игру.

Глава 5. Последний вздох

Ночной Урал встретил возвращающийся броневик оглушительным, заунывным воем метели. Тяжелый «Руссо-Балт» летел по заснеженной трассе, разрезая снежную круговерть мощными лучами артефактных фар. В салоне царило молчание. Генерал Шелестов, то и дело бросая косые взгляды на Демиду через зеркало заднего вида, крепко сжимал кожаную оплетку руля. Его пальцы подрагивали — старый солдат до сих пор не мог до конца осознать то, чему стал свидетелем в подземной каверне.

Демид сидел откинувшись на кожаное сиденье, прикрыв глаза. Под его кожей, вдоль заново выжженных искусственных меридианов, все еще циркулировали багрово-золотые токи укрощенной магии земли и огня. Новожденное Горнило внутри солнечного сплетения больше не голодало — оно мерно и тяжело вращалось, усваивая колоссальный объем поглощенной энергии Урала. Юноша физически ощущал каждую деталь автомобиля: вибрацию зачарованного двигателя, жесткость стальной подвески и даже завихрения морозного воздуха за бронированным стеклом. Его чувства обострились до предела, но на смену триумфу в душу медленно закрадывалась холодная, липкая тревога.

Как только броневик влетел в подземный гараж замка, двери машины распахнулись. Навстречу им, бледный и взмыленный, выбежал полковник Разумовский. Глава тайной канцелярии даже не обратил внимания на обгоревший вид Демиды и на его изменившуюся, давящую ауру.

— Ваше Сиятельство! Генерал! — тяжело дыша, выкрикнул Разумовский. — Слава Богу, вы вернулись. В замке беда. Княгине Веронике ее лекари В общем, счет идет на минуты.

Демид не стал дослушивать. Сорвавшись с места с такой скоростью, на какую его прежнее тело пустоцвета никогда не было способно, он взлетел по лестничным пролетам, миновал анфиладу залов и ворвался в покои матери.

В комнате пахло ладаном, горькими лекарственными настойками и тлеющим воском. Возле огромной кровати полукругом застыли трое фамильных лекарей в белых медицинских мундирах. Их артефактные стетоскопы и диагностические кристаллы, сиявшие прежде ровным зеленым светом, теперь горели тревожным, угасающим багрянцем. Медицинские плетения рвались одно за другим, не находя опоры.

На постели, среди белых подушек, лежала Вероника. Ее лицо утратило всякие краски, став блее простыней, а дыхание было редким, прерывистым, со страшным, сухим хрипом в груди. Старость и горе окончательно доломали то, что семьдесят лет удерживалось лишь великой волей и любовью Кирилла Димидова. Нити судьбы, связывавшие супругов, истончились до предела.

— Вон, — негромко, но с такой леденящей силой произнес Демид, переступая порог, что лекари синхронно вздрогнули и попятились.

— Но Ваше Сиятельство, — робко попытался возразить старший медик, седовласый статский советник. — Княгиня уходит. Ее сердце меридианы жизни полностью деградировали. Мы сделали все, что могли. Аппараты поддержания

— Я сказал — вон из комнаты, — Демид повернул к ним голову.

В глубине его глаз, подернутых багровым отсветом укрощенного источника, пульсировала такая первозданная, дикая мощь, что лекари, не проронив больше ни слова, спешно поклонились и выскочили в коридор. Следом за ними Демид жестом остановил Шелестова и Разумовского, застывших в дверях.

— Дядя Гриша, закрой двери. Никого не впускать.

Тяжелые дубовые створки захлопнулись, отсекая весь мир. Демид стремительно подошел к кровати и опустился на колени перед матерью. Он бережно взял ее угашающую ладонь в свои руки. На ощупь она была ледяной, словно камень в зимней тайге.

— Мама — позвал он, и в его голосе впервые за этот долгий день пробила мальчишеская, беззащитная боль. — Мама, я здесь. Посмотри на меня.

Вероника с огромным трудом разомкнула тяжелые веки. Ее взор, подернутый смертной пеленой, блуждал по потолку,

пока наконец не сфокусировался на сыне. И в эту секунду умирающая женщина слабо вздрогнула. Она, будучи в юности сильнейшим магом жизни, даже сквозь пелену кончины почувствовала перемену. Она увидела багрово-золотые искры в его глазах, ощутила тяжелую, вибрирующую мощь, исходящую от его груди.

— Демид — прошептала она, и одинокая слеза скатилась по ее впалой щеке. — Ты твой отец Он дал тебе силу. Господи, ты смог

— Да, мама. Я смог. Я больше не пустоцвет, — Демид крепче сжал ее пальцы. — И я не отдам тебя смерти. Слышишь? Не отдам.

Внутри его разума лихорадочно проносились страницы отцовского дневника, прочитанные в усыпальнице. Раздел о «Архитектуре Души» содержал в себе не только методику разрушения собственных каналов, но и фундаментальные законы взаимодействия энергий. «Горнило — это универсальный преобразователь, — писал Кирилл. — Оно может впитать огонь, а выдать чистую жизненную силу, если перестроить частоту вращения ядра. Человеческая жизнь — это тоже магия, самая тонкая и сложная из всех стихий. Ее нельзя создать из ничего, но ее можно подпитать, если отдать часть собственной сути».

Демид закрыл глаза и обратился внутрь себя. Его Горнило послушно отозвалось, ускорив свое вращение. Багрово-золотая магия уральского источника, скопившаяся в его искус-

ственных меридианах, рванулась к солнечному сплетению. Юноша начал мысленно, скрежеща зубами от ментального напряжения, сжимать и фильтровать эту жесткую, разрушительную стихию земли и огня. Он заставлял ее плавиться, сгорать в искусственном пламени Горнила, отсекая шлаки тяжелого камня и яростного пламени, оставляя лишь кристально чистую, дистиллированную основу — чистую энергию существования.

Процесс трансформации отзывался в его собственном теле глухой, выжигающей болью. Искусственные каналы Демида, еще не до конца зажившие после ночной переплавки, начали стонать от новой нагрузки. Но юноша не останавливался.

Когда в центре его ядра сформировался крошечный, изумрудно-зеленый сгусток чистой магии жизни, Демид выдохнул, открыл глаза и прижал свою ладонь прямо к груди матери, в район ее угасающего сердца.

— Прими, — выдохнул он.

Изумрудный свет сорвался с его пальцев, пробивая шелк ночной сорочки княгини, и вошел в ее тело.

В ту же секунду Демид почувствовал, словно его сознание швырнуло в бесконечную, ледяную пустоту. Ментальный мир матери предстал перед ним в виде огромного, некогда величественного сада, который теперь был полностью скован вечной мерзлотой и занесен серым пеплом. Посреди этого мертвого сада стояла сама Вероника — молодая,

прекрасная, какой она была на старых семейных портретах, в легком белом платье. Она стояла у края обрыва, лицом к бескрайнему, сияющему всеми семью цветами океану маны. Там, в этом океане, Демид отчетливо видел знакомый силуэт своего отца. Кирилл ждал её.

Зеленый поток энергии, принесенный Демидом, ворвался в этот ментальный мир, пытаясь растопить лед, возводя вокруг Вероники защитные стены из живых ветвей и лоз, пытаясь удержать ее, потянуть обратно к реальности.

Молодая Вероника в его видении обернулась. Она посмотрела на изумрудные оковы, которые сын накладывал на ее душу, и в ее глазах отразилась глубокая, бесконечная грусть, смешанная с материнской нежностью.

— Нет, Демид Не надо, мой дорогой, — ее ментальный голос прозвучал в его голове колокольным звоном. — Не держи меня. Ты совершаешь невозможное, ты тратишь свою собственную, едва обретенную силу Но природу нельзя обмануть. Мое тело изношено. Моя душа она уже там, с твоим отцом. Мы прожили великую, долгую жизнь. Наш контракт с этим миром выполнен.

— Нет! — закричал Демид в этом ментальном пространстве, заставляя изумрудные лозы сжиматься еще крепче, буквально привязывая ее душу к угасающему телу. — Ты нужна мне! Ты нужна Уралу! Если ты уйдешь сейчас — они заберут все! Карамзины уничтожат наш дом! Я не справлюсь один!

Вероника мягко подошла к границе его изумрудного щита. Она протянула руку и сквозь потоки магии коснулась его ментального лица. Это прикосновение было теплым, лишенным всякой боли.

— Ты справишься, сын. Теперь я вижу — в тебе горит огонь Димидовых. Ты сильнее, чем думаешь. Твой отец оставил тебе не просто заводы, он оставил тебе свою волю. Мое присутствие здесь больше не защитит тебя от Сената — столичные волки все равно найдут повод. Твой путь — только твой. Дай мне уйти, Демид. Дай мне воссоединиться с Кириллом. Это моя последняя воля моя последняя просьба к тебе. Не мучай мою душу, удерживая ее в умирающей плоти.

Демид почувствовал, как его Горнило внутри реального тела начинает идти вразнос. Насильственное удержание уходящей души требовало колоссального, запредельного расхода энергии. Его искусственные меридианы начали кровоточить, а изо рта юноши на простыню матери закапала темная кровь. Он мог бы продержаться еще день, неделю, может быть, месяц, превратив в живой, но бездушный манекен, питаемый его собственными соками. Но это было бы эгоизмом. Это было бы предательством той любви, которую родители пронесли через семьдесят лет.

Вероника в его видении мягко улыбнулась, повернулась спиной к ледяному саду и сделала шаг со скалы — прямо в сияющий семицветный океан, навстречу ждавшему ее мужу. Ментальный мир лопнул, рассыпавшись мириадами се-

рых осколков.

Демид пришел в себя в реальной комнате. Он сидел на коленях, тяжело дыша, его руки соскользнули с груди матери. Зеленое свечение угасло.

Княгиня Вероника Димидова лежала неподвижно. Ее лицо больше не выражало муки — оно было абсолютно спокойным, умиротворенным, а на губах застыла едва заметная, счастливая улыбка. Последняя нить, связывавшая великую эпоху прошлого с настоящим, оборвалась. Она ушла к мужу.

Юноша медленно поднялся с колен. Он не плакал — слез не осталось, они все выгорели в яростном пламени подземного источника и в адской боли переплавки. Внутри его Горнила багрово-золотая магия земли улеглась, став тяжелой, монолитной и холодной, словно надгробная плита. Смерть матери не сломала его — она окончательно отсекла от него остатки детской наивности.

Демид подошел к дверям и рванул их на себя. В коридоре застыли Шелестов, Разумовский и лекари. Увидев лицо молодого князя — окровавленное, бледное, но страшное в своем абсолютном, ледяном спокойствии, — все присутствующие инстинктивно выпрямились.

— Княгиня Вероника Димидова преставилась, — сухо, без тени дрожи в голосе произнес Демид. — Объявить в уезде официальный траур. Полковник Разумовский.

— Я здесь, Ваше Сиятельство, — начальник тайной канцелярии сделал шаг вперед.

— Отправьте шифровку в Санкт-Петербург, в Сенат и Императорскую канцелярию. Сообщите о кончине моей матери. И добавьте от моего имени: я, князь Демид Кириллович Димидов, принимаю полноту власти над Уральским удельным округом по праву крови. Комиссию по проверке моего магического ранга я жду в установленный срок. Никаких досрочных регентов на Урале не будет. Любой, кто пересечет границу уезда без моего личного приглашения, будет рассматриваться как военный диверсант.

Разумовский замер на секунду, пораженный этой ледяной, непреклонной государственной жесткостью, а затем четко прижал руку к головному убору: — Будет исполнено, Ваше Сиятельство! В течение получаса депеша уйдет по закрытому артефактному каналу.

Демид повернулся к генералу Шелестову. Старый воитель смотрел на крестника со смесью глубокой скорби и яростной, преданной гордости. Они остались вдвоем против всей Империи.

— Дядя Гриша, — тихо произнес Демид, и огоньки магии земли в его глазах блеснули из-под челки. — Объявляя полную боевую готовность дружины. Столичные волки теперь знают, что замок пуст. Они придут раньше, чем через три месяца. И мы должны встретить их так, чтобы уральский гранит умылся их кровью.

Глава 6. Щит и напор

Траур по княгине Веронике Димидовой сковал Урал су-

ровым, торжественным безмолвием. По приказу молодого князя на всех мануфактурах, рудниках и крепостных заставах уезда были приспущены черно-золотые стяги. Тяжелые заводские трубы Нижнего Тагила сбавили свой привычный яростный ритм, испуская в хмурое небо лишь тонкие, сизые струи дыма. В самом замке зеркальные обсидиановые полы были затянуты плотным черным сукном, а слуги передвигались бесшумными тенями.

Но столичные хищники не собирались чтить чужое горе. Для них смерть вдовы великого Кирилла стала зеленым светом — сигналом к началу открытого штурма.

На четвертый день после кончины княгини, когда над пограничной станцией «Димидово-Узел» едва занялся бледный, морозный рассвет, рельсы вздрогнули. Магические радары заставы зафиксировали приближение тяжелого объекта. Спустя десять минут из утренней туманной дымки, сокрушительно грохоча многотонными стальными колесами, выкатился исполинский бронепоезд Министерства внутренних дел. Его угольно-черная броня отливала холодным лаком, на крышах вагонов хищно застыли башни скорострельных артефактных орудий, а над бронекабиной локомотива реял имперский штандарт и личный стяг рода Долгоруких.

Поезд замер у главного перрона, со свистом выплюнув в морозный воздух облака перенасыщенного маной пара. Затворы вагонов с грохотом разошлись, и на платформу слаженно высыпали две роты министерских гвардейцев в тяже-

лых серых шинелях, вооруженных винтовками с рунными накопителями. Возглавлял этот десант барон Николай Долгорукий — молодой, но уже заслуживший в столице репутацию безжалостного исполнителя особых поручений Сената. Барон был сильным магом воздуха и льда первого ранга.

Узнав о дерзком вторжении, Демид отдал лишь один короткий приказ: «Дружине заставы оружие не поднимать, стоять насмерть, но огонь без моей команды не открывать».

Спустя полчаса к перрону станции бесшумно подкатил черный «Руссо-Балт» князя. Дверца открылась, и на заснеженную платформу ступил Демид Димидов. На нем была парадная черная шинель с траурной повязкой на рукаве, высокие офицерские сапоги и фуражка с серебряным гербом рода. За его спиной монолитом застыл генерал Шелестов, чья рука демонстративно лежала на эфесе сабли.

Демид шел по перрону ровным, размеренным шагом. Внутри него, в самом центре Истинного Горнила, тяжело ворочалась багрово-золотая магия уральской земли, готовая по первому слову ринуться в бой. Но юноша сдерживал её железной уздой. Он не собирался раскрывать свои новые силы перед министерскими ищейками раньше времени. Столица должна была по-прежнему считать его слабым пустоцветом — это было его главным стратегическим преимуществом. Ломать врагов Демид планировал по-другому: чистой, несгибаемой волей, психологическим напором и тем колоссальным авторитетом, который его отец выковы-

вал кровью в течение семидесяти лет.

Барон Долгорукий стоял посреди перрона, окруженный кольцом гвардейцев. При виде приближающегося шестнадцатилетнего юноши на его холеном, надменном лице появилась тонкая, пренебрежительная ухмылка. Он сделал едва заметный пас рукой, и вокруг его пальцев закружились ледяные искры, а воздух на перроне мгновенно стал холоднее — барон пробовал подавить подростка своей магической аурой.

Демид даже не моргнул. Он подошел вплотную к барону, остановившись всего в двух шагах. И хотя от Долгорукого веяло ледяной мощью высшего мага, взгляд Демида был настолько жестким, прямым и пронзительным, что столичный эmissар инстинктивно замер, а ухмылка на его губах слегка увяла. В этих карих глазах юноши не было страха — там читалась ледяная порода правителей Урала.

— Барон, — голос Демида прозвучал хлестко, словно удар бича, заставив министерских гвардейцев вздрогнуть. — Вы пересекли границу суверенного Димидовского уезда на боевом бронепоезде без моего личного приглашения или согласования с нашей канцелярией. В военное время это квалифицируется как вооруженная интервенция. Даю вам ровно три минуты, чтобы убрать этот металлолом обратно за деривационную линию, иначе моя дружина откроет огонь на поражение.

Долгорукий на мгновение опешил от такой наглости, но

быстро вернул себе столичный апломб. Он картинно запустил руку во внутренний карман шинели и достал плотный свиток из пергамента, скрепленный тяжелой сургучной печатью Сената и личным знаком Министерства внутренних дел.

— Полегче на поворотах, княжич, — процедил барон, и его голос наполнился ледяными, вибрирующими нотками магии воздуха. — Перед вами — Экстренный Указ Правительствующего Сената за подписью министра. Ввиду кончины светлейшей княгини Вероники и вашей очевидной неспособности осуществлять магический контроль над стратегическими рудниками империи, Сенат вводит на Урале временное внешнее управление. Я назначен чрезвычайным комиссаром. Мои люди принимают охрану станции, вокзала и ключевых мануфактур прямо сейчас. Ознакомьтесь и сдайте дела, молодой человек.

Долгорукий протянул свиток, ожидая увидеть в глазах пустоцвета панику, слезы или бессильную ярость. Обычный подросток на месте Демиды уже сломался бы под давлением государственной машины и магии высшего круга.

Но Демид даже не потянулся к пергаменту. Он медленно заложил руки за спину.

— Барон, вы умеете читать? — тихо, с опасным придыханием спросил Демид.

— Что?! — Долгорукий нахмурился, его аура льда вспыхнула ярче, заставив снег под его ногами покрыться плотной

коркой наста.

— Я спрашиваю, умеете ли вы читать законы Российской Империи, или в столице дипломы теперь покупают за черниговские червонцы? — Демид сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. Он буквально навис над бароном, подавляя его одной лишь физической статью и безумным ментальным напором. — Статья сорок вторая Свода Законов о великокняжеских и удельных владениях гласит: "Прямой наследник первой очереди вступает в права управления имуществом рода немедленно в день кончины родителя". Официальный тест Имперской комиссии на подтверждение магического ранга назначается ровно в день шестнадцатилетия наследника. Ни днем раньше, ни днем позже. До моего шестнадцатилетия осталось ровно восемьдесят шесть дней. И до этого момента любая бумага, любой указ Сената о "регентстве" или "внешнем управлении" является должностным преступлением, превышением полномочий и прямой попыткой государственного переворота на частных землях Короны !

Долгорукий побледнел. Он не ожидал, что этот шестнадцатилетний «пустоцвет» с ходу выдаст ему точные юридические формулировки имперского права .

— Сенат имеет право изменить процедуру ввиду чрезвычайных обстоятельств — попытался перебить барон, но Демид не дал ему вставить ни слова, буквально сокрушая его своим голосом.

— Чрезвычайных обстоятельств?! — Демид ухмыльнулся, и эта ухмылка была страшной. — Чрезвычайным обстоятельством здесь станет то, что если ваши люди сделают хотя бы один шаг по этой платформе, я объявлю их бунтовщиками. Мой отец, великий князь Кирилл Димидов, семьдесят лет назад спас эту Империю от Древнего . Его кровь, кровь его друзей — Алексея, Кузьмы, Михаила — впиталась в эту землю . Каждая плавильная печь, каждый рельс Транссиба построены на наши деньги. И вся армия Империи, весь генералитет до сих пор помнят, кому они обязаны своими погонами и жизнями!

Демид резко повернулся лицом к министерским гвардейцам, застывшим с винтовками в руках.

— Солдаты! — рявкнул Демид, и его голос, подержанный скрытой вибрацией Горнила (которую никто не мог засечь как активное заклинание), разнесся по всей станции, отражаясь от стальных бортов бронепоезда . — Вы приехали сюда по приказу тыловых крыс, решивших разворовать наследие Кирилла Димидова, пока его тело еще не остыло в усыпальнице?! Вы готовы проливать кровь уральской дружины ради карманов столичных графов?! Посмотрите на эти доты! Посмотрите на эти горы!

Повинуясь тайному знаку генерала Шелестрова, на холмах вокруг заставы с глухим скрежетом раздвинулись маскировочные сети. Из бетонных капониров выдвинулись массивные стволы тяжелых стационарных орудий Димидо-

вых. Защитные рунные контуры заставы вспыхнули ровным, грозным светом. Дружинники, до этого стоявшие неподвижно, синхронно вскинули свои автоматические карабины, взяв министерский поезд в идеальное полукольцо.

Министерские гвардейцы переглянулись. На их лицах отразилось глубокое замешательство. Многие из них были выходцами из простых семей, для которых имя Кирилла Димидова было священным. Идти на штурм его замка под предводительством заносчивого барона ради сомнительного министерского указа им явно не улыбалось. Одно дело — давить крестьянские бунты, и совсем другое — вступать в полноценную войну с лучшей частной армией страны на ее территории .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.